

Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности¹

Аннотация. Относя достоинство личности к метаюридическим категориям, рассматривая его как принцип права, формирующий комплексный межотраслевой институт, направленный на обеспечение реализации и защиты прав человека, автор анализирует роль и место в нем финансового права. С учетом особенности предметно-методологической основы финансово-правовой отрасли делается вывод о том, что исследуемую отрасль права стоит рассматривать как обеспечительный правовой инструмент генерации и реализации достоинства личности, его динамической сущности через уникальный правовой механизм перераспределения материальных ресурсов в государстве. Признавая в качестве основного правового средства такого инструмента позитивное обяывание, автор анализирует субъективные права личности в финансовых отношениях, в частности их имущественную составляющую, в двух аспектах финансовой деятельности государства, публично-правовых образований: при формировании и при распределении и использовании публичных фондов денежных средств. В целях обеспечения реализации человекоцентричного духа финансового права делается вывод о необходимости доктринального анализа и легального закрепления финансово-правового статуса личности, формирования системы так называемых денежных прав личности в процессе формирования, распределения и использования фондов денежных средств государства и муниципальных образований.

Ключевые слова: достоинство личности; личность; финансовое право; финансовые правоотношения; публичный интерес; позитивное обяывание; субъективные права; денежные права; гражданское общество; финансово-правовое регулирование.

Для цитирования: Омелёхина Н. В. Финансовое право в межотраслевом институте достоинства личности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 060–075. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.060-075.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761.

© Омелёхина Н. В., 2020

* Омелёхина Наталья Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Новосибирского национального исследовательского государственного университета
ул. Пирогова, д. 2, г. Новосибирск, Россия, 630090
n.onv@yandex.ru

Financial Law in the Interdisciplinary Institution of Personal Dignity²

Natalya V. Omelekhina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Novosibirsk National Research State University
ul. Pirogova, d. 2, Novosibirsk, Russia, 630090
n.onv@yandex.ru

Abstract. By referring the dignity of the individual to meta-legal categories, considering it as a principle of law that forms an integrated inter-sectoral institution aimed at ensuring the implementation and protection of human rights, the author analyzes the role and place of financial law in the personal dignity concept. Taking into account the peculiarity of the subject matter and methodological basis of the financial and legal industry, the author concludes that the studied branch of law should be considered as a securing legal instrument of generating and implementing personal dignity, its dynamic essence through a unique legal mechanism of redistribution of material resources in the state. Acknowledging the positive binding as the basic legal means of such an instrument, the author analyzes the subjective rights of the individual in financial relations, in particular their property component, in two aspects of financial activity of the state and public legal entities: in the formation and distribution and use of public funds. In order to ensure the realization of the individual-centered spirit of financial law, the author concludes that it is necessary to carry out the doctrinal analysis and legal consolidation of the financial and legal status of the individual, to develop a system of so-called monetary rights of the individual in the process of formation, distribution and use of funds of the state and municipal entities.

Keywords: personal dignity; individual; financial law; financial relations; public interest; positive binding; subjective rights; monetary rights; civil society; financial law regulation.

Cite as: Omelekhina NV. Finansovoe pravo v mezhotraslevom institute dostoinstva lichnosti [Financial Law in the Interdisciplinary Institution of Personal Dignity]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(11):60-75. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.060-075. (In Russ., abstract in Eng.)

Выводом современного времени, его отличительной чертой является пересмотр, ревизия конституционных основ общества. Начавшись с анализа предложенных Президентом РФ поправок к Конституции РФ, процесс приобрел поистине глобально-правовой масштаб. В ходе обсуждения поправок от заинтересованных субъектов, в том числе от институтов гражданского общества, поступило свыше 900 предложений о внесении изменений в акт высшей юридической силы страны, что свидетельствует об активизации, о повышении градуса интереса в обществе к процессам анализа сущностных основ правопорядка.

Обращает на себя внимание, что в центре ведущегося дискурса, как доктринального, так и прикладного, неизбежно стоит человек в современном обществе и государстве, его права и свободы, гарантии их реализации. В этом видится метафизическая сущность (ценность) со-

временного государства, это является мерилom качества деятельности всех органов государства, всех публичных структур.

При таких обстоятельствах представителям финансово-правовой науки нельзя не задаться вопросом: в чем конституционная ценность современного финансового права, насколько человекоцентрична сущность современного российского государства выражена в финансово-правовых нормах и реализуется в общественных отношениях, составляющих предмет соответствующей отрасли права.

Среди доктринального дискурса относительно человекоцентричной сущности права особое внимание в настоящий период уделяется категории достоинства личности.

Достоинство личности как экзистенциальная сущность современной международной и российской доктриной признается в качестве метаюридической категории, проникающей в

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761.

международное и национальное право и претендующей на статус принципа права, наряду с принципом признания и защиты прав и свобод человека. Рассматривая достоинство личности в понимании абсолютной ценности человека, относя его к многомерным и многоаспектным явлениям, в правовых исследованиях авторы позиционируют его также как межотраслевой комплексный институт и как субъективное право.

Многообразие коннотаций понятий «достоинство личности», «человеческое достоинство» свидетельствует о его полисемантической, комплексности. Отмечается, что данное явление имеет несколько смысловых значений, вызывающих трудности его правовой формализации. Отсутствие четкой трансформации этого правового явления в нормативное русло отражает размытость, а зачастую и иллюзорность³.

Несмотря на некий скептицизм, звучащий в отдельных исследованиях о завышенных ожиданиях применительно к данной сущности, следует согласиться с аргументированным подходом конституционалистов, обосновывающих «человекоцентричное» понимание права представлениями о самоценности достоинства человеческой личности, о приоритетном значении достоинства личности в механизме реализации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина⁴. В этой связи предлагается взглянуть на концепцию достоинства личности с позиции метанарратива, который призван сформулировать обеспечительную роль правовых и государственных институтов в различных сферах реализации достоинства личности⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что, с одной стороны, достоинство рассматривается как объективная ценность личности, которая может быть не связана с ее признанием или осознанием: достоинство принадлежит человеку по праву рождения, потому что он есть человек⁶. С другой стороны, исследователи обосновывают необходимость его нормативно-правового признания и гарантирования, относя достоинство личности к явлениям юридического полиморфизма⁷. Однако замечено, что с какой бы стороны ни оценивать эту категорию, вопрос о человеческом достоинстве — это прежде всего вопрос о правах человека, об их реальном обеспечении. Само же достоинство по своей объективной природе неспособно выступать в качестве объекта юридического нормирования. Оно может быть только объектом правовой защиты⁸. Правоотношения, направленные на обеспечение обозначенных благ, являются предметом регулирования международного права и практически всех отраслей российского права в той или иной степени. Идея человеческого достоинства является достоянием в равной степени отраслей как частного (гражданского, семейного, трудового и т.д.), так и публичного права (конституционного, уголовного, административного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, исполнительного и т.д.). Таким образом, отношения, возникающие в сфере обеспечения указанных благ, органически вплетаются в различные имущественные, организационно-властные, трудовые, административные и другие отношения⁹.

³ См.: Крылатова И. Ю. Отдельные аспекты достоинства личности через призму реализации стратегии национального развития России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 32–34.

⁴ См.: Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 120.

⁵ См.: Кравец И. А. Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 13.

⁶ См.: Лоос Е. В. Общая характеристика понятия чести и достоинства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 32–34.

⁷ См.: Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности. С. 117.

⁸ См.: Опалева А. А., Опалев А. В. Защита достоинства личности: моральная или правовая проблема? // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 180.

⁹ См.: Барсукова В. Н. Понятие и особенности института чести и достоинства человека в российском праве // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1. С. 9–10.

В этой связи необходимо задаться вопросами: какова роль финансового права в комплексном межотраслевом институте «достоинство личности»? Представлены ли вообще в нем нормы финансового права?

Нельзя не признать того факта, что специальное конституционно-правовое регулирование финансовых отношений в действующем акте высшей юридической силы РФ представлено незначительно. Финансовая деятельность как вид государственного управления в Конституции РФ не обозначена. Финансовое законодательство как отрасль законодательства в Конституции РФ не выделено. Финансово-правовой статус личности в Конституции РФ определен через обязанность платить законно установленные налоги и сборы. Так называемые «денежные права» личности в Конституции РФ можно определить лишь косвенно, через право на достойную жизнь; на минимальный уровень оплаты труда; на социальную защиту; на услуги, оплачиваемые (обеспечиваемые) за счет публичных фондов денежных средств; на занятие предпринимательской деятельностью; на признание и защиту частной собственности. Причем многие из перечисленных прав очень условно можно отнести к «денежным», более точно было бы их именовать «имущественными», которые при определенных условиях могут быть выражены в денежном эквиваленте. При этом возникает закономерный вопрос: исчерпываются ли перечисленными так называемые «денежные права» личности?

Однако конституционные нормы определяют, что Россия — социальное государство, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). В этой связи политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

Данные положения Конституции РФ можно рассматривать как аксиому, определяющую quintэссенцию финансовой деятельности со-

временного российского государства, рассматриваемой как процесс формирования, распределения и использования фондов денежных средств публично-правовых образований для материального обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления.

Подтверждение тому находим в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Указывается, что федеральный законодатель, осуществляя финансовое регулирование на основе Конституции РФ, имеет дискреционные полномочия в выборе правовых средств, что позволяет ему учитывать всю совокупность социально-экономических, иных факторов развития Российской Федерации. На этой основе в Российской Федерации как правовом социальном государстве гарантируются надлежащие финансовые условия осуществления программ социального развития, обеспечения прав и свобод человека и гражданина¹⁰.

Конституционный принцип обусловленности действия органов государственной власти, органов местного самоуправления необходимостью обеспечивать реализацию прав и свобод человека позволяет сделать сакральный вывод о том, что и фискальная функция финансовой деятельности современных государств, современного финансового права наполняется социальной ценностью, в основе своей реализации должна исходить из признания и неумаления достоинства личности и в конечном счете должна быть направлена на его обеспечение, что неизбежно влечет вычленение социальной функции в качестве самостоятельной функции исследуемой отрасли права. Указанные обстоятельства позволяют рассматривать финансовое право, регулирующее финансовую деятельность, как обеспечительный правовой инструмент генерации и реализации достоинства личности, обеспечительный инструмент динамической сущности достоинства личности через уникальный правовой механизм перераспределения материальных ресурсов в государстве.

С учетом специфики конституционно-правового регулирования, конкретизации сущностных

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

основ в отраслевом законодательстве возникает вопрос: требуется ли закрепление, развитие названных конституционных положений в финансовом законодательстве (в частности, в Бюджетном кодексе РФ, в Налоговом кодексе РФ и пр.)?

Используя прагматичный подход к достаточности правового регулирования, возможно, нет необходимости включать в акты финансового законодательства РФ нормы, дублирующие вышеназванные конституционные положения применительно к финансовой деятельности публично-правового образования (государства), поскольку следует признать, что конституционному праву свойственен некий романтизм, финансовое же право более прагматично. Но как всякое социальное явление, обращенное к обществу, к людям, финансовое право должно четко показать роль и значение для человека данной правовой отрасли, ее институтов. Думается, именно место и роль человека в финансовом праве должны определять место и роль финансового права в современном миропорядке, в комплексном межотраслевом институте достоинства личности как обеспечительного правового механизма реализации субъективных прав человека.

В предыдущих исследованиях нами аргументированно обосновывалась приоритетная роль позитивного обязывания в финансовых правоотношениях. С позиции науки финансового права отмечается, что субъективное финансовое право вообще не входит в круг инструментов традиционного финансово-правового регулирования. Взимание налогов и сборов, бюджетный процесс, эмиссионные отношения, даже финансовый контроль выступают предметом «старого» финансового права лишь в ключе технологических процессов, без учета субъективных факторов правового регулирования. Юридическим алгоритмом взаимодействия органа государства с юридическим или физическим лицом становится должностное — состояние, абсорбирующее в себе ответственность,

субъективное право, обязанность, позитивную ответственность, принципы права¹¹.

Финансовые правоотношения активного типа, которые, по мнению С. С. Алексева, как раз и складываются на основе обязывающих норм, характеризуются тем, что активный центр правоотношения находится в юридической обязанности¹². В этих правоотношениях обязанность субъектов занимает центральное место, является жесткой и стабильной, поэтому чаще получает закрепление в нормативном, а не в индивидуальном финансово-правовом акте. Следовательно, такая обязанность возникает у субъектов финансовых правоотношений всякий раз при наличии соответствующих юридических фактов и существует до тех пор, пока действует нормативный правовой акт, предусматривающий эту обязанность¹³.

Такой подход выглядит абсолютно оправданным применительно к предмету исследуемой отрасли права, призван учитывать специфику финансовых отношений, их сущностные особенности, обуславливающие обособление их правового регулирования в рамках системы российского права.

Думается, что одной из сильных, но в то же время слабых сторон финансово-правовой доктрины и, соответственно, финансового права является то, что краеугольным камнем всех его институтов ставится публичный интерес, реализацию которого призвано обеспечить финансово-правовое регулирование, основным выразителем которого является государство, публично-правовое образование в лице соответствующих органов.

Анализ актов финансового законодательства показывает, что термин «публичный интерес», «государственный интерес» в них практически не используется. Так, в Бюджетном кодексе РФ термин «публичный интерес» употребляется только в контексте полномочий главных распорядителей бюджетных средств выступать в качестве представителя интересов соответ-

¹¹ См.: *Запольский С. В.* К вопросу о роли финансового права в правовой системе России // *Финансовое право.* 2010. № 8. С. 2–3.

¹² См.: *Карасева М. В.* Финансовое правоотношение. М., 2011. С. 206.

¹³ См.: *Карасева М. В.* Указ. соч. С. 211.

ствующего публично-правового образования по искам к такому публично-правовому образованию (ст. 158 Бюджетного кодекса РФ). Сама по себе категория интереса как бы «выводится за скобки», а легализацию получают категория «финансовое обеспечение задач и функций государства и местного самоуправления», включенная в понятие бюджета (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ), и категория «финансовое обеспечение деятельности государства и органов местного самоуправления», включенная в понятие налога (ст. 7 Налогового кодекса РФ). Как ни парадоксально, термин «публичный интерес» чаще применяется в гражданском и процессуальном законодательстве (ст. 152.1, 166, 168, 431.1 Гражданского кодекса РФ, ст. 4 Кодекса административного судопроизводства РФ, ст. 53 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Кроме того, в правовых актах последнего времени появляется такая категория, как национальные интересы, под которыми, согласно Стратегии национальной безопасности РФ¹⁴, понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития, которое осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов, включающих экономический рост. Определяется, что экономический рост может быть достигнут в том числе путем укрепления финансовой системы, обеспечения ее суверенитета, устойчивости валютного курса рубля, оптимизации

валютного регулирования и контроля, обеспечения сбалансированности бюджетной системы и совершенствования межбюджетных отношений и иных мер.

Тем не менее категория интереса вызывает пристальное внимание представителей как теории права, так и различных отраслевых правовых наук¹⁵. Известны работы представителей финансово-правовой науки, анализирующих категорию интереса в финансовом праве и финансово-правовом регулировании.

Важнейшим признаком финансовой деятельности государства называют то, что государство через своих представителей всегда реализует публичный, и прежде всего государственный, интерес, что является движущим мотивом участия государства в названной деятельности¹⁶. Развивая эту идею, исследователи приходят к выводу, что государственные интересы есть лишь часть публичных интересов, они связаны с государством, которое обеспечивает их реализацию. Государство формирует свой круг интересов, оформляет их правовыми нормами и фиксирует в документах для последующей реализации. Таким образом, государственный интерес является «сгустком» публичных интересов, во многом — основой их реализации. При этом отмечается, что публичный интерес может не всегда совпадать с государственным, и в этом случае он не становится государственным, но продолжает оставаться публичным (общим для неопределенного круга лиц)¹⁷. Также отмеча-

¹⁴ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

¹⁵ Например: *Егорова М. А.* Особенности содержания понятия «публичный интерес» для целей антимонопольного регулирования // Юрист. 2019. № 6. С. 56–58; *Чельшев М. Ю.* Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. 2005. № 12; *Тихомиров Ю. А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3; *Алиев Т. Т.* Роль Конституционного Суда РФ в сочетании баланса частных и публичных интересов в России // Современное право. 2010. № 4. С. 63–67; *Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А.* Право и интересы // Журнал российского права. 2005. № 12; *Уманская В. П.* Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть закона. 2017. № 1. С. 69–79; *Кабанова И. Е.* Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть закона. 2016. № 2. С. 74–84.

¹⁶ См.: *Запольский С. В.* Дискуссионные вопросы теории финансового права. М.: Эксмо, 2008. С. 66.

¹⁷ См.: *Селюков А. Д.* Диалектика частных и публичных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Финансовое право. 2015. № 11. С. 10–14.

ется, что притязания государства, выходящие за пределы потребностей общества, не совпадающие с ними, перестают быть содержанием публичного интереса и становятся наполнением сугубо государственного интереса¹⁸.

При этом известные ученые утверждают о приоритете публичного интереса в финансовой деятельности¹⁹. Однако среди современных исследователей встречаются такие, которые, ссылаясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ²⁰, опровергают эту идею, утверждая, что не усматривается никакого приоритета публичных интересов, указывая на необходимость поиска компромисса, т.е. баланса между правами и законными интересами лиц, состоящих в имущественных отношениях с государством, на недопустимость противопоставления частного интереса (выплата заработной платы) и публичного интереса (уплата налогов) как двух равновеликих конституционных ценностей, поскольку установление жесткого приоритета для одной из них означает невозможность, а следовательно, умаление равнозащищаемых прав и законных интересов тех или других групп граждан, что не соответствует также ст. 55 Конституции РФ²¹. С данной позицией можно согласиться отчасти: действительно, решая задачу конкуренции норм различных отраслей права (частноправовых и публично-правовых), в процессе правоприменения следует исходить из баланса частных и публичных интересов. Однако думается, если речь идет о правовом регулировании, то следует признать, что нормы частноправовых отраслей права направлены на реализацию

частных интересов, а нормы публичных — на реализацию публичных интересов, точнее было бы утверждать — государственных интересов, интересов публично-правового образования.

Парадоксально: казалось бы, публичный интерес — значит общественный интерес, интерес неопределенного круга лиц, разделяемый большинством населения государства, публично-правового образования с демократическим правовым режимом. И соответственно, такой интерес должен быть принят и признан прежде всего гражданами, являющимися его непосредственными носителями. Однако анализ фактически возникающих финансовых отношений свидетельствует об обратном. К сожалению, граждане, хозяйствующие субъекты менее всего разделяют и поддерживают положения финансовой отрасли права (это наблюдается как в налоговых отношениях при формировании публичных фондов денежных средств, так и при их распределении и использовании).

Даже в доктринальных исследованиях зачастую отражается существо публичного интереса как интереса некоего третьего лица, противостоящего двум другим субъектам: коллективным (организациям) и индивидуальным (физическим лицам).

Кроме того, обращает на себя внимание вторичность, производность финансовых отношений, которая выражается в цели их возникновения — для материального обеспечения задач и функций государства. Указанная цель однозначно свидетельствует, что первоосновой формирования финансовых отношений явля-

¹⁸ См.: *Мамонтов В. А.* Правовое обеспечение публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹⁹ Например: *Химичева Н. И., Покачалова Е. В.* Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // *Банковское право.* 2013. № 6. С. 10 ; *Грачева Е. Ю.* Обеспечение публичных интересов в условиях рынка как важнейшая цель государственного финансового контроля // *Очерки финансово-правовой науки современности : монография / под общ. ред. Л. К. Вороновой, Н. И. Химичевой.* М. — Харьков : Право, 2011. С. 211 ; *Шевелева Н. А.* Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2015. № 2. С. 32–44.

²⁰ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1997 № 21-П // *СЗ РФ.* 1997. № 52. Ст. 5930.

²¹ См.: *Ядрихинский С. А.* Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса // *Актуальные проблемы российского права.* 2020. № 1. С. 62–71.

ются отношения государственного управления (в широком смысле). Однако от классических государственно-управленческих отношений финансовые отношения отличает двойственность содержания. Это, по существу, имущественно-управленческие отношения, реализующиеся посредством правовой организации реверсивных имущественных потоков, реверсивных потоков движения денежных средств от частного субъекта к публичному и наоборот. Содержательный аспект финансовых отношений имеет абсолютную расчетную измеримость: денежные обязанности и денежные обязательства, возникающие в процессе финансовой деятельности публично-правовых образований, выражаются в определенных цифровых величинах.

И в этой связи публично-правовое образование вынуждено решить ряд задач, а именно какие фонды денежных средств, существующие в государстве, вовлечь в перераспределительный процесс и с помощью каких правовых механизмов его организовать.

Поскольку хозяйствующие субъекты — участники имущественного оборота, имеющие в качестве основной цели деятельности извлечение прибыли, очевидно, не ставят себе задачу перераспределять собственные средства без дополнительной имущественной выгоды для себя, соответственно, финансовые перераспределительные отношения основываются на позитивном обязывании, реализуемом в форме денежных обязанностей либо денежных обязательств.

Таким образом, сам человек выступает источником материального обеспечения достоинства всех членов общества. Именно за счет созданных в обществе индивидуальным или коллективным (корпоративным) трудом доходов формируются публичные фонды денежных средств для целей материального обеспечения задач и функций государства. Из определения конституционного статуса Российской Федерации как социального государства очевидно, что критерием расходования этих публичных фон-

дов должна стать обязанность публично-правового образования обеспечивать реализацию и защищать права и свободы человека, обеспечивать достойную жизнь каждому человеку, независимо от его физиологических особенностей и социального статуса. При этом следует иметь в виду, что необходимость обеспечения достоинства личности должна ставиться во главу как распределительных, так и аккумуляционных процессов публичных фондов денежных средств. Изымаемая доля доходов для целей перераспределения через публичные фонды не должна создавать угрозу существования, удовлетворения потребностей личности, каким-либо образом умалять ее достоинство.

Соответственно, финансовое право является нормативным инструментом реализации обеспечительной функции социального государства посредством установления денежных обязанностей личности соразмерно своим доходам участвовать в делах государства, отдавая в безвозмездном безвозвратном порядке часть созданной прибавочной стоимости в денежной форме. Государство само возлагает на себя обязанность создавать условия для личности, которые позволили бы ей в полной мере ощутить собственное достоинство независимо от субъективных характеристик и свойств личности. Основным правовым средством, могущим обеспечить достижение желаемого результата, определенного активного поведения участников рассматриваемых отношений, является позитивное обязывание²².

Обосновывая приоритет позитивного обязывания в финансовом праве, определяя в качестве основной его правовой формы обязанность личности по формированию публичных фондов денежных средств и обязанность государства расходовать эти публичные фонды в интересах общества в целом, обеспечивая конституционное право личности на признание ее достоинства, было бы юридически односторонне не рассмотреть права требования, корреспондирующие таким обязанностям.

²² Более подробно достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей было рассмотрено автором в одноименной работе: Омелёхина Н. В. Достоинство личности в системе финансово-правовых ценностей // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 106–120.

Юридической формой реализации интересов субъектов являются правоотношения, т.е. связи между субъектами посредством взаимных прав и обязанностей. Очевидно, что юридическим средством реализации интересов участников в первую очередь могут выступать такие правовые конструкции, как субъективные права, т.е. определенные меры возможного поведения, которые используют субъекты в соответствии со своей волей и своим волеизъявлением. Юридические обязанности как корреспондирующие субъективным правам элементы содержания правоотношений в меньшей степени ориентированы на отражение истинных желаний и потребностей их носителей, поскольку представляют собой меру должного поведения, которая реализуется их носителями независимо от их желаний и потребностей, в силу императивных предписаний правовых норм (особенно в публично-правовых отношениях, характеризующихся неравенством сторон) либо в силу добровольного их принятия (в частноправовых отношениях, основанных на равенстве участников). В юридических обязанностях стороны правоотношения, как правило, реализуется интерес другой стороны — управомоченного лица, чьи права корреспондируют таким обязанностям.

Обращаясь к доктринальным исследованиям последних полутора десятков лет в финансово-правовой сфере²³, можно сделать ряд наблюдений. Во-первых, институт субъективных прав в финансовом праве не является самым популярным направлением исследований. Анализ современных комплексных системных научных исследований свидетельствует о том, что субъективные права в финансовом праве рассматриваются:

- в контексте правового статуса, в большинстве случаев — в отношении отдельных субъектов права и зачастую с применением институционального подхода (в рамках институтов особенной части финансового права). Встречаются также отдельные исследования, по-

священные в целом субъектам финансового права²⁴;

- в рамках исполнения тех или иных обязанностей (публично-правовых образований, их органов, хозяйствующих субъектов, физических лиц) как корреспондирующий элемент исследуемого финансового правоотношения;
- в контексте финансового (фискального) суверенитета публично-правового образования для целей правового обоснования позитивного обязывания хозяйствующих субъектов, физических лиц.

Во-вторых, институт субъективных прав в финансовом праве комплексно и системно не анализировался в контексте имущественных и неимущественных субъективных прав. Так, например:

- даже в работах, посвященных имущественным и неимущественным правоотношениям, анализ соответствующих прав не являлся самостоятельным объектом пристального внимания исследователей;
- большинство научных исследований проводятся применительно к правовому статусу хозяйствующих субъектов публичной формы собственности (государственных и муниципальных учреждений разных типов, государственных и муниципальных предприятий, госкорпораций, государственных внебюджетных фондов и пр.);
- правовой статус субъектов частной формы собственности в финансовых правоотношениях рассматривается в большинстве случаев в контексте их налоговой правосубъектности, правосубъектности в банковской деятельности;
- в бюджетных правоотношениях физические лица вообще не признаются в качестве субъектов, правовой статус субъектов частной формы собственности «размывается» категорией «получателя» бюджетных средств.

В-третьих, очевидно, что рассуждать о субъективных правах личности в финансовых от-

²³ См.: Грачева Е. Ю., Щекин Д. М. Комментарии к диссертационным исследованиям по финансовому праву М. : Статут, 2016.

²⁴ См.: Древаль Л. Н. Субъекты российского финансового права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

ношениях следует в двух основных аспектах осуществления финансовой деятельности государства, публично-правовых образований: о субъективных правах личности при формировании публичных фондов денежных средств и о субъективных правах личности при распределении и использовании публичных фондов денежных средств. При этом особый интерес в обоих аспектах представляют имущественные права личности.

Заранее следует договориться о допущении, что субъективные права личности рассматриваются именно в контексте прав и свобод человека, понимая разницу между ними и субъективными правами хозяйствующих субъектов, которые в определенной степени производны от субъективных прав личности, но в то же время не тождественны им.

Поскольку основным правовым средством формирования публичных фондов денежных средств является позитивное обязывание в правовой форме денежной обязанности, представляющее собой принудительно-властное изъятие части доходов личности и передачу их в публичную собственность государства или муниципальных образований, очевидно необходимо рассуждать о праве личности на защиту минимума доходов от изъятия для целей самостоятельного обеспечения достойных условий жизни.

Нельзя не отметить своеобразие Налогового кодекса РФ в регулировании данного вопроса. Так, в перечне прав налогоплательщиков (ст. 21) из имущественных прав, т.е. состоящих в возможности истребования денежных средств от публично-правового образования либо сохранности от изъятия имеющихся, предусмотрено только право на использование льгот при наличии оснований и в установленном порядке; на своевременный зачет или возврат сумм излишне уплаченных или излишне взысканных налогов, пени, штрафов; на возмещение убытков незаконными актами или действиями (бездействием) налоговых органов, их должностных лиц; а также на отсрочку, рассрочку, инвестиционный налоговый кредит.

Понятие налога, закрепленное в ст. 8 НК РФ, определяет данный платеж обязательным, ин-

дивидуальным, безвозмездным, осуществляемым в форме отчуждения принадлежащих плательщику денежных средств. При этом понятие налога исключает какие-либо имущественные права (притязания) налогоплательщика, называя такой платеж не только безвозмездным, но и безвозвратным. Применительно к страховому взносу ситуация аналогичная. Плательщик не может претендовать на какую-либо имущественную возмездность от получателя.

Казалось бы, категория сбора дает возможность надеяться на какие-либо права (притязания) плательщика, но и в этом случае встречным удовлетворением является услуга, которая по определению самого Налогового кодекса РФ не имеет материального результата (п. 5 ст. 38). Так, факты регистрации рождения, брака, смерти, регистрации права собственности на имущество и прочие сами по себе имущественной ценности не имеют. Имущественные начала имеют лишь те последствия, которые могут возникнуть на основании таких фактов. При этом размер могущих возникнуть имущественных последствий никак не зависит от стоимости услуги по регистрации таких фактов.

В этой связи можно обратиться к нормам-принципам, содержащимся в Налоговом кодексе РФ. К сожалению, они не раз являлись предметом критики исследователей в сфере финансового права и правозащитников, в том числе из-за своей несистемности, неконкретности, размытости.

Так, всеобщность и равенство налогообложения (п. 1 ст. 3 НК РФ), очевидно, должны вселять оптимизм, определяя, что в исследуемой сфере нет исключения ни для кого. Однако принцип учета фактической способности налогоплательщика к уплате налогов при установлении налогов (п. 1 ст. 3 НК РФ) сформулирован таким образом, что можно сделать вывод: какой бы налог ни установили — это всегда учтено, поскольку отсутствует указание на «долженствование» такого учета, а исключительно констатируется факт «учитывается».

Не выглядит безупречной формулировка принципа об экономическом основании налогов и сборов, которое они должны иметь. При этом применен термин «основание», а не «обо-

снование». Из экономической теории известно, что экономическим основанием налога является прибавочный продукт, создаваемый в обществе (дополнительно создаваемая стоимость). Соответственно, во всех случаях, когда в результате налогообложения изымается этот прибавочный продукт, можно утверждать, что налог имеет экономическое основание, даже если изымается 100 % созданного прибавочного продукта.

Представляется, что максимальным ограничением такого изъятия должен стать принцип, определяющий, что недопустимы налоги и сборы, препятствующие реализации гражданами своих конституционных прав. Однако формулировка данного принципа не позволяет количественно определить такой предел, что не способствует формированию имущественных правоприязаний их плательщиков.

Не решают в полной мере поставленной задачи и акты Конституционного Суда РФ, анализирующие конституционность названных положений Налогового кодекса РФ. В большинстве случаев в них лишь констатируется, что устанавливать налоги и сборы следует не произвольно, а сообразно их экономическому существу²⁵, что соответствие их экономико-правовому содержанию обеспечивает реальность целей и эффективность налогообложения²⁶, при этом судьи отмечают, что ставки, тарифы обязательных платежей должны быть справедливыми, разумно обоснованными, а применительно к сборам — соразмерными затратам органов публичной власти, не исключая и другие основания установления, в том числе интерес в казенных доходах или ограничение предпринимательства там, где это способно вредить чужим интересам, в том числе публичным²⁷.

В качестве возражений можно сослаться на нормы особенной части налогового права, регулирующие взимание конкретных видов налогов, сборов, страховых взносов. Действительно, и положения гл. 23 «Налог на доходы физических

лиц», и гл. 25 «Налог на прибыль организаций» НК РФ предусматривают перечень видов доходов, не подлежащих налогообложению (освобождаемых от налогообложения), не учитываемых при определении налоговой базы, устанавливают различные виды налоговых вычетов. Однако такое специальное регулирование не позволяет рассматривать минимально гарантированный от изъятия (от налогообложения) доход как общее правило.

Можно прибегнуть к положениям Конституции РФ, которые определяют в качестве конституционной обязанность платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57), гарантируя при этом равную защиту всем формам собственности (ст. 8) и охрану частной собственности, указывая на то, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ст. 35).

Соответственно, учитывая конституционную природу налоговой обязанности, субъективными правами личности при формировании публичных фондов денежных средств можно было бы пренебречь, отдавая правовое регулирование имущественных прав на усмотрение частноправовых отраслей (в частности, гражданского права) и обеспечивая их защиту охранительными отраслями права (в частности, административным и уголовным правом), но как в таком случае от личности требовать самостоятельного обеспечения своих потребностей и в чем тогда состоит право личности требовать достойных условий жизни, корреспондирующее соответствующей обязанности государства?

Не менее сложен и дискуссионен вопрос о субъективных правах личности при распределении и расходовании публичных фондов денежных средств, о правах на финансовые притязания к публичному фонду денежных средств.

В интересующем нас разрезе обращает на себя внимание постановка на теоретическом уровне вопроса о так называемых «денежных

²⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 № 1717-О-О ; определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 63-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2009 № 10-П // СЗ РФ. 2009. № 27. Ст. 3383.

²⁷ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского по постановлению Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П // СЗ РФ. 2013. 22. Ст. 2862.

правах» человека. В частности, отмечается, что вместо жалкого термина «прожиточный минимум» финансовое право должно пользоваться иным понятием, более достойным человека, не говоря уже о личности. А тот факт, что человеческое достоинство само по себе требует инвестиций, впервые глубоко обосновал еще австрийский социолог права Рудольф Гольдшайд²⁸.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько правовых категорий, характеризующих так называемые «денежные права» личности. Так, к числу характеристик «денежных прав» личности можно отнести: прожиточный минимум — двух видов (в целом по России и в субъектах РФ); потребительскую корзину — для основных социально-демографических групп населения (на душу населения, для нетрудоспособных, для пенсионеров, для детей) двух видов (в целом по России и в субъектах РФ); среднедушевой доход семьи (одиноко проживающего гражданина); минимальный размер оплаты труда (МРОТ) — двух видов (для оплаты труда, пособий и для штрафов).

Федеральным законом от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в РФ»²⁹ определены порядок исчисления указанных характеристик, так называемых «денежных прав» личности, и цели их использования. Однако отсутствует норма права, определяющая возможность требования личности к государству, к публично-правовым образованиям обеспечения этих прав.

В Бюджетный кодекс РФ еще в 2007 г.³⁰ были введены категории публичного обязательства, публичного нормативного обязательства. Однако до настоящего времени они остались без проработки доктринальной основы и с сомнительным прикладным (правореализационным) эффектом. Кроме того, публичное обязательство в Бюджетном кодексе РФ присутствует, однако

корреспондирующего публичного права требования их исполнения у физических лиц в бюджетном законодательстве не предусмотрено, поскольку последние не признаются участниками бюджетных правоотношений. Более того, всякие притязания к взысканию бюджетных средств «защищаются» правовым режимом иммунитета бюджета, требуют исключительно судебного подтверждения, принудительное исполнение взысканий за счет средств бюджета исключено из общей процедуры исполнительного производства и передано самому должнику (ст. 239 БК РФ).

Такое состояние дел справедливо обосновывается ссылками на правовые позиции Конституционного Суда РФ, определяющими, что, исходя из правовой природы бюджета, являющегося финансовой основой функционирования государства, средства которого расходуются на государственные и общественные нужды в интересах всех граждан, проживающих на его территории, и из необходимости целевого расходования бюджетных средств, федеральный законодатель вправе и обязан установить такое правовое регулирование, которое препятствует возможности бесконтрольного обращения взыскания на средства бюджета. Тем самым обеспечиваются гарантии сохранности средств государства, которое в этих целях может прибегать к использованию судебной защиты своих прав³¹.

Подобный правовой режим «дистанцирует» казалось бы «обеспечительные» нормы финансового права от потребностей общества, от потребностей конкретного человека. В этой связи возникает вопрос, а можно ли вообще говорить об имущественных притязаниях к фонду денежных средств публично-правового образования со стороны хозяйствующих субъектов, физических лиц в рамках финансовой деятельности публично-правового образования?

²⁸ См. подробнее: *Кролев С. В.* «Денежные права» человека в перспективе сравнительной теории права: германо-российский аспект // *История государства и права.* 2013. № 18. С. 16–21.

²⁹ СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

³⁰ Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством РФ законодательных актов РФ» // СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2010 № 5-П // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1256.

Уместно в качестве аргумента вспомнить о системности российского права в целом. Финансовое право регулирует общественные отношения в синергии с правом социального обеспечения, с иными отраслями права, где более предметно сформулированы права человека и созданы гарантии их реализации. Ссылаясь на производность финансовой деятельности и, соответственно, финансово-правового регулирования от иных видов деятельности государственного управления, можно оставить решение вопроса правового регулирования характеристик денежных прав личности другим отраслям права, например праву социального обеспечения, административному праву и пр.

Однако насколько оправдан такой узкофункциональный подход к предмету правового регулирования финансово-правовой отрасли? Возможно ли в таких случаях говорить о «денежных правах» личности при распределении и расходовании публичных фондов денежных средств? Вероятно, финансовое право может существовать и без признания субъективных финансовых прав личности, но думается, что это не отражает общий человекоцентричный дух российского права и социальный статус российского государства, что выглядит диссонирующим среди публичных отраслей российского права.

Вызывает по меньшей мере тревогу то обстоятельство, что при общем человекоцентричном понимании права в финансово-правовой отрасли отсутствует доктринально обоснованный и легально закрепленный правовой статус личности. Более того, в финансовой деятельности публично-правового образования личность, хозяйствующие субъекты рассматриваются в основном как имущественно-обязанные. Безусловно, в финансовом праве на современном этапе существует немало количество институциональных проблем, которые не менее важны, но системная определенность в концепте отрасли права может стать верным ключом к

разрешению частных проблем отраслевого регулирования.

В связи с этим видится два возможных варианта развития финансово-правовой доктрины и, соответственно, финансового права и финансового законодательства.

Представляется допустимым ограничиться сформировавшейся еще в прошлом веке доктриной относительно предмета финансового права как отношений в сфере финансовой деятельности государства, публично-правовых образований для целей материального обеспечения задач и функций последних. При этом нельзя не заметить, что эта доктрина сформировалась в тот период, когда не было налогового права, не было частной собственности (нечего было защищать и нечего было изымать в счет налогов), бюджетное право было, по сути, административным механизмом перераспределения всего создаваемого в обществе валового продукта, не было электронных денег, криптовалюты, эмитируемой частными лицами.

Либо возможно откликнуться на современные тенденции доктринальных исследований и развития правового регулирования, направленные на формирование человекоцентричной сущности российского права, поскольку отсутствие в общей части финансового права того, что можно назвать финансовыми условиями человеческого достоинства, является важным препятствием для успешного функционирования не только финансовой системы, но и социально-экономического развития государства.

Думается, было бы односторонним и неверным рассматривать финансово-правовое регулирование исключительно как позитивный инструмент, упорядочивающий и нормирующий, определяющий правила финансовой деятельности по формированию, распределению и использованию публичных фондов денежных средств. Синергия современных социальных процессов подсказывает, что ареал поиска должен быть шире, а искомая конструкция — сложнее.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алиев Т. Т. Роль Конституционного Суда РФ в сочетании баланса частных и публичных интересов в России // Современное право. — 2010. — № 4. — С. 63–67.
2. Барсукова В. Н. Понятие и особенности института чести и достоинства человека в российском праве // Право. Законодательство. Личность. — 2015. — № 1. — С. 9–16.
3. Грачева Е. Ю. Обеспечение публичных интересов в условиях рынка как важнейшая цель государственного финансового контроля // Очерки финансово-правовой науки современности : монография / под общ. ред. Л. К. Вороновой, Н. И. Химичевой. — М. — Харьков : Право, 2011. — С. 205–228.
4. Грачева Е. Ю., Щекин Д. М. Комментарии к диссертационным исследованиям по финансовому праву. — М. : Статут, 2016.
5. Древаль Л. Н. Субъекты российского финансового права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009.
6. Егорова М. А. Особенности содержания понятия «публичный интерес» для целей антимонопольного регулирования // Юрист. — 2019. — № 6. — С. 56–58.
7. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. — М. : Эксмо, 2008.
8. Запольский С. В. К вопросу о роли финансового права в правовой системе России // Финансовое право. — 2010. — № 8. — С. 2–3.
9. Кабанова И. Е. Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть закона. — 2016. — № 2. — С. 74–84.
10. Карасева М. В. Финансовое правоотношение. — М., 2011.
11. Кравец И. А. Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. — 2019. — № 1. — С. 11–20.
12. Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. — 2019. — № 1. — С. 111–128.
13. Кролев С. В. «Денежные права» человека в перспективе сравнительной теории права: германо-российский аспект // История государства и права. — 2013. — № 18. — С. 16–21.
14. Крылатова И. Ю. Отдельные аспекты достоинства личности через призму реализации стратегии национального развития России // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 9. — С. 32–34.
15. Лоос Е. В. Общая характеристика понятия чести и достоинства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2016. — № 1. — С. 32–34.
16. Мамонтов В. А. Правовое обеспечение публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012.
17. Опалева А. А., Опалев А. В. Защита достоинства личности: моральная или правовая проблема? // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 3. — С. 179–181.
18. Селюков А. Д. Диалектика частных и публичных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Финансовое право. — 2015. — № 11. — С. 10–14.
19. Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. — 2001. — № 5.
20. Уманская В. П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть закона. — 2017. — № 1. — С. 69–79.
21. Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Право и интересы // Журнал российского права. — 2005. — № 12.
22. Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. — 2013. — № 6. — С. 8–18.
23. Чельшев М. Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. — 2005. — № 12.

24. Шевелева Н. А. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2015. — № 2. — С. 32–44.
25. Ядрихинский С. А. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. — С. 62–71.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aliev T. T. Rol' Konstitucionnogo Suda RF v sochetanii balansa chastnyh i publicnyh interesov v Rossii // Sovremennoe pravo. — 2010. — № 4. — С. 63–67.
2. Barsukova V. N. Ponyatie i osobennosti instituta chesti i dostoinstva cheloveka v rossijskom prave // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. — 2015. — № 1. — С. 9–16.
3. Gracheva E. Yu. Obespechenie publicnyh interesov v usloviyah rynka kak vazhnejshaya cel' gosudarstvennogo finansovogo kontrolya // Ocherki finansovo-pravovoj nauki sovremennosti : monografiya / pod obshch. red. L. K. Voronovoj, N. I. Himichevoj. — M. — Har'kov : Pravo, 2011. — С. 205–228.
4. Gracheva E. Yu., Shchekin D. M. Kommentarii k dissertacionnym issledovaniyam po finansovomu pravu. — M. : Statut, 2016.
5. Dreval' L. N. Sub"ekty rossijskogo finansovogo prava: teoretiko-pravovoe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2009.
6. Egorova M. A. Osobennosti sodержaniya ponyatiya «publicnyj interes» dlya celej antimonopol'nogo regulirovaniya // Yurist. — 2019. — № 6. — С. 56–58.
7. Zapol'skij S. V. Diskussionnye voprosy teorii finansovogo prava. — M. : Eksmo, 2008.
8. Zapol'skij S. V. K voprosu o roli finansovogo prava v pravovoj sisteme Rossii // Finansovoe pravo. — 2010. — № 8. — С. 2–3.
9. Kabanova I. E. Princip balansa chastnyh i publicnyh interesov v doktrine i pravoprimenitel'noj praktike // Vlast' zakona. — 2016. — № 2. — С. 74–84.
10. Karaseva M. V. Finansovoe pravootnoshenie. — M., 2011.
11. Kravec I. A. Dostoinstvo lichnosti v teorii i praktike sudebnogo konstitucionalizma // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. — 2019. — № 1. — С. 11–20.
12. Kravec I. A. Dostoinstvo lichnosti: dialog teorii, konstitucionnyh norm, mezhdunarodnyh regulyatorov i social'noj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2019. — № 1. — С. 111–128.
13. Krolev S. V. «Denezhnye prava» cheloveka v perspektive sravnitel'noj teorii prava: germano-rossijskij aspekt // Istoriya gosudarstva i prava. — 2013. — № 18. — С. 16–21.
14. Krylatova I. Yu. Otdel'nye aspekty dostoinstva lichnosti cherez prizmu realizacii strategii nacional'nogo razvitiya Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2016. — № 9. — С. 32–34.
15. Loos E. V. Obshchaya harakteristika ponyatiya chesti i dostoinstva // Vestnik Barnaul'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2016. — № 1. — С. 32–34.
16. Mamontov V. A. Pravovoe obespechenie publicnyh interesov v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2012.
17. Opaleva A. A., Opalev A. V. Zashchita dostoinstva lichnosti: moral'naya ili pravovaya problema? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 3. — С. 179–181.
18. Selyukov A. D. Dialektika chastnyh i publicnyh interesov v processe osushchestvleniya finansovoj deyatel'nosti gosudarstva // Finansovoe pravo. — 2015. — № 11. — С. 10–14.
19. Tihomirov Yu. A. Publichno-pravovoe regulirovanie: dinamika sfer i metodov // Zhurnal rossijskogo prava. — 2001. — № 5.

20. Umanskaya V. P. Balans publicnyh i chastnyh interesov v administrativnom prave // *Vlast' zakona*. — 2017. — № 1. — S. 69–79.
21. Habrieva T. Ya., Tihomirov Yu. A. Pravo i interesy // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2005. — № 12.
22. Himicheva N. I., Pokachalova E. V. Principy rossijskogo finansovogo prava kak bazisnye principy bankovskoj deyatel'nosti // *Bankovskoe pravo*. — 2013. — № 6. — S. 8–18.
23. Chelyshev M. Yu. Mezhotraslevoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya publicnyh interesov v ekonomicheskoy sfere // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2005. — № 12.
24. Sheveleva N. A. Byudzhetnoe vyravnivanie v Rossii kak sposob garmonizacii mezhbyudzhetnyh otnoshenij (2000–2015) // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. — 2015. — № 2. — S. 32–44.
25. Yadrinskij S. A. Princip prioriteta publicnyh interesov v finansovoj deyatel'nosti gosudarstva: poisk kompromissa // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2020. — № 1. — S. 62–71.